

“Не эти звуки!”

Неисполнимая радость Бетховена

Дирижер, решившийся представить на суд современной публики монопрограмму из сочинений Бетховена, должен быть либо безрассудным идеалистом, либо интеллектуальным гением. Впрочем, ни первое, ни второе качество в смоделированных современным обществом обстоятельствах не гарантирует достойного результата, потому что результат этот всегда складывается не только из предложенного музыкантами, но также из усвоенного слушателями. Внутри каждого своего “отсека” коварная история ставит свои акценты, заставляя всех, кто попадает в ее ловушку, полюбить то, что так или иначе является отражением или резонансом разворачивающегося на наших глазах “сейчас”. В нашем сегодняшнем “сейчас” все мы, разобщенные и робкие или самостоятельные и дерзкие, одинаково тоскуем

по парадам, единым порывам, коллективным праздникам и всеобщей любви. И потому социально-политические бетховенские утопии вызывают у нас скорее грустно-ностальгическую смутную улыбку, нежели прилив созидательной радости.

Бетховенский концерт в КЗЧ (в программу которого вошли два итоговых сочинения композитора – Пятый фортепианный концерт и Девятая симфония), сыгранный на прошлой неделе оркестром Московской филармонии под управлением Джонатана Бретта, был интересен прежде всего как демонстрация двух совершенно разных подходов к музыке, являющейся не просто золотым фондом классики, но еще и определенным культурным символом советского времени и его исполнительской манеры. В Пятом концерте солировала Ольга Пушечникова-Керн –

одна из самых многообещающих пианисток молодого поколения. Именно ее игра, властная, ритмически филигранная, с жестко сконструированным временем, но при этом удивительно свободная в плане тембровых переключений и неожиданная в сфере жанровых ассоциаций, определила стиль первого отделения концерта.

Исполненная во втором отделении совместно с Государственной академической капеллой им. А.Юрлова и солистами Н.Красной, И.Чистяковой, А.Мукмановым и В.Параскевой Девятая симфония убеждала значительно меньше, нежели Пятый концерт. Крупные динамические линии вели в никуда, части получились драматургически инертными, и потому финальная кантата выглядела не четко спланированным и единственным возможным выводом, а неким

инородным сочинением “из другого опуса”. И дело здесь не только в исполнительских погрешностях, но также и в выбранной манере игры. Повидимому, пафос всеобщего празднества, совмещающего в себе признаки хоровой молитвы и гражданского действия, пафос сочинения, в котором музыкальная структура есть отражение структуры социальной со всеми ее элементами (гражданское общество – войско – церковь – народ), нам, нынешним, непонятен и недоступен. А потому торжественная бетховенская ода превратилась в утомительное и официозное ожидание заключительного аккорда. Вот только стоит ли упрекать в этом музыкантов, ведь они – всего лишь наши представители на встрече с историей?

Арсений ЮРСКИЙ

Культура. – 2002. – 19-25 дек. – с. 8